

УДК 130

Копылов В. А.

УНИВЕРСИТЕТЫ И ВЛАСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ

Проанализирована сложившаяся в Харьковском университете в первой половине XIX века (устав 1804 года) университетская автономия как определенная модель взаимодействия государства и университета. Университетская автономия эксплицируется как важный кумулятивный показатель цивилизационного развития как самого университета, его внутренней самоорганизации, так и отношений университета с государством в контексте формирования гражданского общества. Исследованы объективные возможности и необходимости ее формирования в этот период и закономерность последующего разрушения в условиях самодержавия.

Ключевые слова: *власть, государство, гражданское общество, университетская автономия, Харьковский университет.*

Проаналізована сформована в Харківському університеті в першій половині XIX століття (статут 1804 року) університетська автономія як певна модель взаємодії держави й університету. Університетська автономія есплікується як важливий кумулятивний показник цивілізаційного розвитку як самого університету, його внутрішньої самоорганізації, так і відносин університету з державою в контексті формування громадянського суспільства. Досліджені об'єктивні можливості й необхідності її формування в цей період і закономірність наступного руйнування в умовах самодержавства.

Ключові слова: *влада, держава, громадянське суспільство, університетська автономія, Харківський університет.*

The established in the Kharkiv University in the first half XIX century (the Charter 1804) university autonomy as determined model of the interaction state and university is analyzed. The University autonomy is explicated as important cumulative factor civilization developments as most university, its internal self-organization, so and relations of the University with state in context of the shaping civil society. The objective possibilities and need of its shaping in this period and regularity of the following destruction in condition of the autocracy are explored.

The keywords: *power, state, civil society, university autonomy, the Kharkiv University.*

Рубеж XVIII–XIX веков был важным переломным моментом в истории отечественного интеллектуального пространства. И связано это главным образом с тем, что именно в это время завершается процесс формирования нового вида учебных заведений – полностью и окончательно в отечественной истории сформировались светские классические университеты как специально организованные центры профессиональной научной, образовательной и просветительской деятельности, объединившие как уже сформировавшиеся лучшие национальные и региональные интеллектуальные силы, так и потенциально наиболее прогрессивную молодежь, причем уже в достаточно массовом виде. Социальная роль этих университетов в

отечественной ретроспективе огромна – они сформировали отечественную науку и интеллигенцию, здесь формировалось свободомыслие всех идеологических оттенков, массовые студенческие выступления свергали правительства. Социальная роль этих университетов в мировой ретроспективе еще более значительна. И мы здесь имеем в виду не только научные, промышленные или научно-технические революции, зачастую зарождающиеся в университетах, или массовые студенческие бунты, прокатившиеся в 60–70-х годах прошлого столетия от Сорбонны до Беркли и существенно изменившие западное общество, но и то, как справедливо замечает З. А. Сокулер, что именно средневековые университеты Европы спасли для человечества культуру античности [см. 1, с. 13–22]. В перспективе же социальная роль университетов будет возрастать в геометрической прогрессии, по крайней мере, именно так считают практически все теоретики информационных и постиндустриальных обществ. Так, например, Д. Белл заявляет, что «так же, как в течение последних ста лет коммерческое предприятие играло роль ключевого института, в силу его места в организации массового производства товаров, в ближайшие сто лет ее будет играть университет (или какая-то иная форма института знаний) вследствие его функции источника инноваций и знаний» [2, с. 463]. Именно университет занимает у него центральное место в определении природы постиндустриального общества – «постиндустриальное общество, где центр тяжести перемещается в сферу услуг, а источники новаторства сосредоточиваются в интеллектуальных институтах, в основном в университетах и научно-исследовательских учреждениях, а не в прежних индустриальных корпорациях» [3, Р. 5–6]. И в этом лично мы с ними полностью согласны.

Даже из нескольких приведенных выше примеров видно, что социальная роль университетов значительна не только по глубине воздействия, но и по ширине охвата социального пространства – можно и нужно говорить об экономической, просветительской, научной и т. п. роли образования и университетов в частности. Нас же интересует только одно направление социальной функциональности университетов – это их взаимодействие с системой власти. Университеты, как и вся система образования, по природе своей и по происхождению своему (т. е. по замыслу и с первых шагов своей истории) сущностно интегрированы в систему власти. Сущность эта настолько очевидна, что некоторые исследователи называют образование вполне определенной формой власти [см., напр., 4], а М. Фуко, анализируя персональные и институциональные метаморфозы в современной системе власти, утверждает, что «этот процесс выражается в том, что *писатель как лицо выдающееся начинает исчезать*, а возникает преподаватель и университет... как исключительные точки пересечения. В этом, безусловно, и кроется причина того, что университет и преподавание становятся политически сверхчувствительными областями. А то, что называют кризисом университетов, следует понимать не как утрату силы, но, наоборот, как приумножение и усиление его властных взаимодействий в среде многоликого сообщества интеллектуалов, которые практически все через него проходят и с ним соотносятся» [5, с. 203]. Однако проблема взаимодействия власти и образования – это скорее стратегическое

направление наших теоретических изысканий, а конкретной тактической задачей настоящей статьи является попытка эксплицировать историю отечественных университетов на предмет поиска и анализа генезиса формирования университетской автономии.

Концептуально мы исходим из того, что, с одной стороны, университетская автономия есть не что иное, как своеобразная модель организации власти в пределах вуза, внутри вуза. Это примерно то, что М. Фуко называет «микроуровнем» власти. С другой стороны, университетская автономия есть чрезвычайно емкий и важный показатель взаимоотношения университета и государства как института супервласти. Поскольку это как бы внешняя характеристика деятельности и восприятия университета, выходящая на уровень социума в целом, то, на наш взгляд, эту сторону по аналогии можно назвать макроуровнем власти. Таким образом, нам представляется, что университетская автономия – это чрезвычайно важная характеристика как университета и системы образования в целом, так и государства и общества в целом. Причем эта характеристика имеет как структурную экзегетику (показывает, как организован университет как система), так и динамическую (показывает меру цивилизационного развития, развитости и университета и государства, и общества). В феномене университетской автономии как в фокусе достаточно адекватно отражается и мера, и качество совершенства гражданского общества. Именно это для нас чрезвычайно важно, именно эта идея является для нас не просто стратегической, но и концептоформирующей.

Университетская автономия, по мнению многих исследователей, сыграла важную роль в становлении гражданского общества в Западной Европе, именно этот евроатлантический опыт наши отечественные политики справедливо определяют как чрезвычайно важный и необходимый для демократизации украинского общества. В формировании университетской автономии мы имеем некоторый собственный и достаточно эффективный опыт, который может и должен быть использован сегодня. Университетская автономия является необходимым направлением формирования устойчивого и динамичного украинского гражданского общества. Все это и предопределяет актуальность данного направления исследований.

Итак, обратимся к интересующей нас ретроспективе.

В конце XVIII века наибольший шанс стать университетом имела Киево-Могилянская академия. Однако этот шанс так и не был реализован, и старейшее украинское высшее учебное заведение в начале XIX века окончательно стало духовным, получив статус духовной академии [6, с. 275–276]. И здесь мы хотим обратить внимание на момент, ставший, на наш взгляд, определяющим в развитии истории образования в Украине не только в XIX, но и в XX веке – формирование и дальнейшее развитие системы светского образования в Украине осуществлялось, как справедливо отмечает Н. П. Ерошкин, в непосредственной связи с государственными потребностями (прежде всего в грамотных, образованных чиновниках) [7, с. 67]. В связи с этим на рубеже XVIII–XIX веков меняется роль государства в развитии системы образования и науки в Украине. Из отстраненного, опосредованного соучастника, лишь санкционирующего основание и дальнейшее существование

высших учебных заведений и вкладывающего в их развитие определенные денежные суммы (как, например, в случае с Киево-Могилянской академией в XVIII веке), государство становится главным субъектом, самостоятельно основывающим и содержащим высшие учебные заведения и подчиняющим их деятельность своим целям.

Первым, хотя и достаточно относительным, на наш взгляд, для истории Украины, примером такого рода может служить основание Львовского университета. Университет был основан согласно указу австрийского императора Иосифа II в октябре 1784 года, его основание находилось в тесной связи с проводимой австрийским правительством в рамках всей монархии в целом и на западноукраинских землях в частности политикой централизации и германизации [8, с. 18]. В отличие от ранее существовавших в Украине учебных заведений (в том числе университета ордена иезуитов во Львове, дата основания которого – 1661 год – считается датой основания Львовского университета) университет имел в целом светский характер [8, с. 19].

Еще более ярким примером связи основания высшего учебного заведения с государственной политикой является, на наш взгляд, создание Киевского университета св. Владимира. Встревоженное антирусскими настроениями польской шляхты на правобережной Украине, со всей яркостью проявившихся во время польского восстания 1830–1831 годов, правительство Российской империи поставило цель основать в регионе русскоязычное высшее учебное заведение, задачей которого было бы прививать юношеству из польских шляхетских семей (составлявшему здесь основной контингент студенчества) «дух русского народа» [6, с. 254]. В плане реализации этой цели и был создан (согласно царскому указу от 8 ноября 1833 года) Киевский университет св. Владимира [там же].

Каковы же были политические аспекты взаимоотношений образования и науки с государством в новых условиях? На наш взгляд, можно выделить три основные плоскости экспликации взаимодействия уже сформировавшегося института государственной власти и еще только формирующегося института образования в целом и университета в частности. Во-первых, это формирование политической науки как инструмента государственной политики, что происходило практически исключительно в рамках университетов. Во-вторых, это существование властных структур (прежде всего, народного представительства), обеспечивающих влияние ученых на принятие политических решений. В-третьих, это формирование административной автономии высших учебных заведений, так называемой университетской автономии, что и послужило очень важным трендом формирования гражданского общества и для отечественной истории и социальной теории имело принципиальное значение. В данном случае мы остановимся только на исследовании третьего направления, поскольку, во-первых, проблема университетской автономии и через этот тренд формирование гражданского общества и активной политической культуры является чрезвычайно актуальной для современной Украины; во-вторых, проблема генезиса и роли политической науки достаточно эффективно исследуется представителями политологии [см., напр., 9]; в-третьих, проблема специально

организованного участия интеллигенции и прежде всего ученых во власти нами уже однажды была эксплицирована [см., напр., 10].

Эвристически наиболее эффективным предметом для исследования нашей задачи является, на наш взгляд, опыт Харьковского университета. И объясняется это как минимум двумя причинами. Во-первых, на момент официальной артикуляции университетской автономии уставом 1804 года Харьковский университет, открытие которого энергично готовилось, был единственным университетом на территории современной Украины (Львовский университет в 1805 году будет понижен до ранга лицея и восстановлен в прежнем статусе лишь в 1817 году [8, с. 20].) Во-вторых, Харьковский университет был единственным высшим учебным заведением Украины, успевшим в полной мере воспользоваться этой автономией и таким образом сформировать определенный отечественный опыт (университеты, открывшиеся позднее – Киевский и Новороссийский (в Одессе) – начинали свою деятельность в условиях более жесткого государственного контроля, когда устав 1804 года уже не действовал).

Автономия Харьковского университета состояла из двух составляющих. Во-первых, это было право университета комплектовать собственные научно-преподавательские кадры без какого-либо утверждения государством. Университет самостоятельно присваивал ученые степени магистра (кандидата) и доктора наук лицам, защитившим соответствующие диссертации [11, с. 26]. Лица, имевшие вышеупомянутые степени, избирались советом университета на конкурсной основе на должности соответственно адъютантов (ассистентов) и профессоров [там же, с. 25, 27–28].

Второй и наиболее существенной, на наш взгляд, частью университетской автономии была возможность университета комплектовать состав своих руководящих административных кадров путем выборности. Административная система университета включала целый ряд учреждений и должностных лиц, представлявших как коллегиальность, так и единоначалие в управлении вузом.

Высшим коллегиальным органом управления университетом был его совет, состоявший из профессоров и адъютантов (последние имели в совете совещательный голос) [там же, с. 17, 27]. Совет университета имел весьма обширные функции, которые можно разделить на следующие «разряды»: 1) «избирательная» функция: совет избирал ректора, проректора, инспектора казеннокоштных студентов, деканов факультетов, профессоров и адъютантов на все кафедры; 2) «административно-судебная»: совет заслушивал годовые финансовые отчеты, представляемые бухгалтером университета, и рассматривал все другие вопросы, выносимые на рассмотрение ректором (который председательствовал в совете), а также попечителем учебного округа и министром народного просвещения; через ректора и специальный «училищный комитет» совет также руководил начальными и средними учебными заведениями Харьковского учебного округа и был высшей университетской судебной инстанцией; 3) «научно-учебная»: представители совета наблюдали за экзаменационными испытаниями поступающих и оканчивающих университет лиц, а также осуществляли устройство конкурсов научных работ и их издание [там же, с. 16-

18].

Другим коллегиальным учреждением общеуниверситетского уровня было возглавляемое ректором правление, состоявшее из органов факультетов [там же, с. 16]. Если совет университета можно считать своеобразным университетским «парламентом», то правление выполняло функции «правительства» вуза, ведая текущими административно-хозяйственными делами университета, непосредственно осуществляя связь по этому поводу с различными государственными учреждениями [там же]. Взаимоотношение между советом и правлением университета обуславливались тремя моментами: а) все члены правления избирались советом; б) правление было официально подотчетно и подконтрольно совету; в) во главе обеих коллегий был ректор университета [там же].

Должностными лицами, олицетворявшими единоначалие на общеуниверситетском уровне, были ректор, проректор и инспектор казеннокоштных студентов. Ректор, бывший высшим должностным лицом университета, избирался его советом ежегодно (с 1811 года – раз в три года) и утверждался царем по представлению министра народного просвещения [там же, с. 17]. Проректор избирался советом на тот же срок, что и ректор (с последующим утверждением министром). Первоначально его функции сводились к замещению ректора во время болезни или отсутствия последнего. Затем проректор стал постепенно ведать учебными делами [там же, с. 18]. Инспектор казеннокоштных студентов (затем в его ведение перешли все студенты вообще) также избирался советом университета и утверждался министром народного просвещения. Ему вменялось в обязанность иметь «особенный... надзор за нравственностью всех учащихся в университете» [там же, с. 20]. Для этой цели инспектор имел помощников (сначала одного, затем двух и, наконец, пять человек), постоянно живших в общежитии студентов и в районах их наибольшего размещения на частных квартирах [там же].

На уровне отделения (факультета) коллегиальность в управлении представлялась заседаниями профессоров и адъютантов, которые должны были происходить не реже одного раза в месяц. На них рассматривались вопросы ассигнований на факультетские нужды, утверждались учебные планы преподавателей, тексты сдаваемых в печать трудов сотрудников факультета, другие вопросы, поставленные ректором или деканом факультета. Председательствовал на заседаниях декан, избиравшийся советом университета сроком на один год из числа профессоров и утверждавшийся затем министром [там же, с. 20].

Таким образом, Харьковский университет располагал довольно широкой автономией, которая практически была идентична университетской автономии западноевропейского образца. На первый взгляд это позволяло идентифицировать его в одном ряду с западноевропейскими университетами как фактический институт гражданского общества. Но, как и любой институт гражданского общества, университет существовал в определенной корреляции с государством, и вне этой корреляции нельзя адекватно эксплицировать ни гражданское общество, ни социально-властную природу университета. Западноевропейское социальное пространство этого периода характеризовалась уже достаточно развитым состоянием

гражданского общества, важное место в котором и занимали университеты благодаря высокому уровню развития своей университетской автономии. Таким образом, западноевропейский университет, выступая в качестве некоей социальной корпорации, был важным институтом гражданского общества, и корреспондировался он с государством именно как институт гражданского общества. Именно так, в такой экзегетике возникали средневековые университеты, которые сознательно могли идти на службу государственной власти, но в любой момент на почве конфликта с государством могли всем составом «переехать» в другое место, т. е. инициировать и решить конфликт с государством в свою пользу. Причем такая корреляция в целом была характерна даже для абсолютистских государств Западной Европы.

В интересующем нас отечественном социально-политическом пространстве эта корреляция была принципиально иной. Поэтому необходимо специально остановиться на раскрытии взаимоотношений университета с органами государственного управления.

Здесь необходимо отметить, что начало XIX века ознаменовалось весьма важным моментом во взаимоотношениях ученых и власти, который отсутствовал раньше, – превращением сферы науки и образования в специальную отрасль государственного управления и появлением соответствующих управленческих учреждений: министерства народного просвещения (в центре) и учебных округов (на местах).

Говоря о министерстве народного просвещения, считаем нужным, процитировать слова из докладной записки министра внутренних дел Российской империи В. П. Кочубея Александру I от 28 марта 1806 года, которая, на наш взгляд, раскрывает общие закономерности возникновения такой формы государственного учреждения, как министерство. В. П. Кочубей писал, что идея создания министерств возникла, «когда с течением времени, расширения народного труда, приумножения богатства, успехи промышленности и просвещения потребовали большей попечительности со стороны правительства» [7, с. 205]. Таким образом, министерство есть учреждение, служащее государству инструментом его активного участия в функционировании той или иной сферы деятельности общества (в данном случае, сферы науки и образования), а не покровительства (или, наоборот, препятствия) ее функционированию, как было раньше.

Каков же был характер этого активного государственного участия, т. е. в принципе встает вопрос о характере взаимоотношений государства и университетов, системы образования в целом. Ответ на этот вопрос дает правительственный законодательный акт от 25 июня 1811 года под названием «Общее учреждение министерств». Ценность этого законодательного акта определялась тем, что он был результатом не спонтанного решения, а обобщением опыта деятельности министерств с момента их создания (сами министерства, в том числе и министерство народного просвещения, были созданы согласно царскому манифесту от 8 сентября 1802 года [7, с. 208]).

Итак, «Общее учреждение министерств» определяло характер министерской деятельности как: а) принуждение подконтрольных учреждений к исполнению

государственных законов; б) утверждение на ключевые должности в подконтрольных учреждениях; в) надзор за их деятельностью; г) разрешение каких-либо затруднений, возникавших в их работе [7, с. 214]. Нам представляется, что приведенные факты дают достаточные основания определять суть министерской деятельности в этот период как опеку, хотя и достаточно жесткую, с применением «принуждения», но, тем не менее, отнюдь не как повседневную регламентацию, мелочное вмешательство в работу подотчетных и подконтрольных учреждений. Именно такой характер деятельности министерства народного просвещения и гармонизировал в наибольшей степени с автономией высших учебных заведений, особенности которой были раскрыты выше на примере Харьковского университета.

Чрезвычайно важной характеристикой университетской автономии было, на наш взгляд, ее специально организованное функционирование в контексте региональных органов министерства народного просвещения – учебных округов. Харьковский университет являлся главным учреждением Харьковского учебного округа, включавшего в начале XIX века всю территорию Востока и Юга современной Украины [12, с. 10–11]. Территория Правобережной Украины и город Киев входили в состав Виленского учебного округа вместе с Белоруссией и Литвой [6, с. 233]. Согласно университетскому уставу 1804 года, на университет возлагалось руководство учебной и административной деятельностью начальных и средних учебных заведений на территории округа [там же]. От имени университета это руководство осуществлял «директор училищ», избираемый советом университета и подчиненный ему через специальный училищный комитет во главе с ректором [13, с. 6, 7]. Кроме того, на университет возлагалась цензура всей печатной продукции, выходившей в пределах учебного округа [12, с. 10–11].

Наряду с университетом как главным учреждением учебного округа, в нем существовала и должность попечителя, назначавшегося царем [13, с. 5]. Попечители учебных округов постоянно пребывали в Петербурге [6, с. 233]. В их обязанности входило «заботиться об устройении университетов и других училищ и о приведении их в цветущее состояние... ознакомься с положением дел по донесениям университета... или посредством личных обзоров округа, предпринимаемых, по крайней мере, один раз в два года» [13, с. 6].

Таким образом, попечитель учебного округа не был непосредственным руководителем учебных заведений, расположенных на его территории, эта функция принадлежала университетской выборочной администрации. В связи с этим можно согласиться с мнением С. Сиролапко, что попечители были своеобразными «ходатаями» за интересы университета и учебного округа в целом перед государством, повторяя в какой-то мере функции куратора Московского университета в середине XVIII века [6, с. 233]. Примером такого статуса попечителя может служить деятельность первого в истории Харьковского округа человека, занимавшего эту должность в 1803–1817 годах, – графа С. О. Потоцкого [13, с. 17–21]. О нем историк Харьковского университета проф. Д. И. Багалея писал: «...попечитель не вмешивался в детали, ему принадлежало только общее наблюдение над университетом – но это то и имело прекрасные последствия: попечитель внимательно следил за деятельностью

органов университетского самоуправления, чтобы они не отступали от устава... разрешал возникновение недоразумения... и был благожелательным истолкователем нужд и потребностей университета перед министерством, хранителем и защитником прерогатив и прав, дарованных университету законом» [13, с. 6–7].

Подробно описанная выше система автономии высших учебных заведений и их взаимоотношений с государством в лице министерства народного просвещения и попечителей учебных округов сохранялась на протяжении первых двух десятилетий XIX века. Главной отличительной особенностью этой системы было установление определенного баланса между интересами государства и интересами университета как института формирующегося гражданского общества. Затем приблизительно с середины 1820-х годов началось разрушение этой сбалансированной системы, обусловленное все большим вмешательством государства в дела учебных заведений [11, с. 18]. Апогеем этого процесса можно считать введение в 1884 году нового университетского устава, согласно которому университеты ставились в полную зависимость от министерства народного просвещения [6, с. 247]. «Основные параграфы устава предусматривали ликвидацию университетской автономии и всемерное усиление власти министра и попечителей, которые получили право назначать и увольнять профессоров, деканов и ректора, контролировать учебный процесс, распределение стипендий и т. п.» [11, с. 68].

Почему подобное явление стало возможным? Ответ на этот вопрос следует искать в системе управления Российской империи – централизованного бюрократического государства, в котором идея народного представительства и гражданского общества в XIX веке не только не была осуществлена, но и в отдельные исторические периоды (например, в царствование Николая I) считалась государственным преступлением, посягательством на основы государственного строя. В таких условиях министр народного просвещения и попечители учебных округов, назначаемые монархом, были фактически ответственны только перед ним [7, с. 214]. Самоуправляющиеся университетские корпорации по причине отсутствия общегосударственного парламента и региональных органов народного представительства не могли контролировать действия неуклонно разрастающейся государственной бюрократической машины и в конце концов были поглощены ею. Внешним выражением такого поглощения было превращение выборных должностей университетского самоуправления в должности государственных чиновников и их распределение министерством народного просвещения по чинам «Табели о рангах» 1722 года [7, с. 61].

Таким образом, если внутренне, с точки зрения содержания, университетская автономия отечественного образца вполне была идентична западноевропейским идеалам, то внешне, с точки зрения взаимодействия с государством, у нас сформировался принципиально иной вариант корреляции. Ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX веке в Украине гражданское общество окончательно так и не сформировалось, поэтому корреляция государства с университетами была построена по принципу управления (мягкого, как это имело место в начале XIX века, или жесткого, как это было впоследствии) со всеми вытекающими для их организации и функционирования

последствиями. Следовательно, Харьковский университет так и не стал полноправным институтом гражданского общества. Величайшее исключение составляет период действия университетского устава 1804 года, особенно первые несколько десятилетий XIX века, когда университетская автономия фактически сложилась в Харьковском университете и вошла в плоть и кровь университетской жизни. Такая достаточно развитая университетская автономия этого периода позволяет нам говорить о значительных элементах, ростках гражданского общества даже в условиях самодержавия. Именно такие ростки и нуждаются, на наш взгляд, в самом тщательном научном исследовании во имя последующего их практического применения.

Итак, в заключении мы можем сделать как минимум три важных для нас вывода. Во-первых, формирование гражданского общества, без которого невозможно построение современного демократического общества, это чрезвычайно сложный, многоплановый процесс, необходимым компонентом которого является формирование университетской автономии как минимум потому, что университет становится центральным институтом современного социального организма. Во-вторых, Украина имеет свой и весьма успешный опыт формирования и использования университетской автономии. Причем ее отечественная модель, работавшая в условиях жесткой корреляции с жестким государством, для современной Украины, где характер отношений с государством по-прежнему остается достаточно жестким, наиболее актуальна и перспективна в отличие от западных моделей, формировавшихся в условиях иных государственных контекстах. Поэтому слепое копирование западной модели университетской автономии малопродуктивно. В-третьих, история образования в Украине в XIX веке и их взаимоотношений с государственной властью показывает, что два элемента участия ученых во власти – политическая наука и автономия высших учебных заведений – бессильны при отсутствии третьего элемента: общенародного парламентского представительства, региональных представительных учреждений и в их рамках представительства ученых, т. е. демократического развития самого государства.

Литература:

1. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна / З. А. Сокулер. — СПб., 2001.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; перев. с англ. под ред. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999. — 783 с.
3. Bell D. The Year 2000 — The Trajectory of an Idea / D. Bell // Toward the Year 2000. Work in Progress / ed. by D. Bell. — Boston, 1968. — P. 1—15.
4. Ушакин С. А. Образование как форма власти / С. А. Ушакин // Полис (Политические исследования). — 1993. — № 5. — С. 43—48.
5. Фуко М. Политическая функция интеллектуала / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. — М., 2002.
6. Сіролапко С. Історія освіти в Україні / С. Сіролапко. — К. : Наукова думка, 2001. — 912 с.
7. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века) / Н. П. Ерошкин. — М. : Мысль, 1981. — 252 с.
8. Львівський університет (До 325-річчя з дня заснування: 1661—1986) — Львів : Вища школа, 1986. — 146 с.

9. Политическая наука в Украине: становление и перспективы / Под ред. Д.ф.н. О. А. Габриеляна, д.ф.н. А. Д. Шоркина. — Симферополь, 2002. — 344 с.

10. *Копилов В. О.* Інкорпорація знання у владу — базисний алгоритм реорганізації суспільства (соціальний проект Семена Десницького) // Науковий вісник Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Серія «Філософія». — Вип. 18. — Х. : ХНПУ, 2004. — С. 119—127.

11. Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. — Х. : Изд-во Харьков. ун-та, 1955. — 386 с.

12. Харьковский государственный университет. 1805—1980. Исторический очерк. — Х. : Вища школа, 1980. — 158 с.

13. *Зайцев Б. П.* Попечители Харьковского учебного округа / Б. П. Зайцев, С. И. Посохов. — Х. : [б.и.], 2000. — 123 с.